

ПРИНЦЪ НАССАУ-ЗИГЕНЪ *.

Этотъ герой-авантюристъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность по всей Европѣ, какъ искатель приключеній, какъ человѣкъ, который, съ бѣшеною отвагою бросаясь на всѣ опасности, мечталъ единственно о славѣ, для возстановленія утраченнаго достоинства своего имени.

Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ Нассау (родившійся 1745 года 5-го (17-го) января происходилъ отъ древней германской фамиліи графовъ Лауэнбергскихъ. Оттонъ, дядя императора Адольфа I (умеръ 1298 года), былъ родоначальникомъ младшей линіи графовъ Нассаускихъ; отъ него въ девятомъ колѣнѣ — Вильгельмъ I Великій, штатгальтеръ Голландіи и его братъ Иванъ, графъ Диленбургскій (1606). Сынъ послѣдняго, Иванъ, началъ линію графовъ Нассау-Зигенскихъ; его потомокъ, графъ Эммануиль-Игнатій, умеръ въ 1743 году безъ прямыхъ наследниковъ, и владѣнія Зигеновъ, по рѣшенію Вѣнскаго Двора, были отданы графамъ Оранскимъ, а часть присоединена къ имперіи.

(* Извлечено изъ «Znakomici meżowie Polscy w XVIII wieku», Julian Bartoszewicz. «Турецкая война 1787—1791 г.» Богдановича и др.

Въ это время неожиданно является претендентъ на наслѣдство угасшаго рода графовъ Нассау-Зигенскихъ, то былъ Карлъ Нассау.

Супруга графа Эммануила-Игнатія, по неизвѣстнымъ причинамъ, скрыла отъ своего мужа рожденіе сына Максимилиана, и только послѣ 1743 года признала послѣдняго своимъ законнымъ сыномъ, внеся его въ акты подъ именемъ графа Нассау-Зигенскаго.

Максимилианъ вовсе не думалъ отыскивать правъ на владѣнія своихъ предковъ, но опекуны его сына Карла, начали съ Вѣнскимъ Дворомъ процессъ о Зигенѣ, который не имѣлъ успѣха. Въ Вѣнѣ отвергнули права Карла и на владѣнія, и на титулъ угасшей линіи. Кромѣ того, Вѣнскій Дворъ началъ разглашать и выводить наружу всѣ семейныя тайны фамиліи Несле, къ которой принадлежала мать Карла, Каролина де-Майльи де-Несле. Ей ставили въ вину то, что она была теткою графини де-Майльи и княжны Шатору (маркизы Турнелль), любовницъ французскаго короля Людовика XV, что всѣ женщины этой фамиліи отличались легкомысліемъ и вѣтреностію.

Тогда опекуны передали дѣло на рѣшеніе парижскаго парламента, дабы обнаружить всѣ неблагородныя дѣйствія вѣнскаго совѣта. Парламентъ (1756) призналъ права Карла на владѣнія предковъ и тѣмъ самымъ доказалъ въ глазахъ Европы его происхожденіе, что впоследствии признали Испанія, Польша и Россія. Въ Вѣнѣ отвергнули рѣшеніе парижскаго парламента.

Карлъ Нассау, лишенный имени и владѣній, былъ глубоко оскорбленъ несправедливостію императора, и эта самая несправедливость имѣла вліяніе на всю его будущность. Отличаясь съ юношескихъ лѣтъ смѣлостію, отвагою, чрезвычайною живостію и уорностью непреклоннаго характера, Карлъ не упалъ духомъ, онъ выказалъ презрѣніе къ богатствамъ, но не дозволилъ отнять у себя имени.

Воспитанный во Франціи, Нассау полюбилъ эту страну какъ свою родину и пятнадцати лѣтъ вступилъ охотникомъ въ пѣхотный полкъ. Скорое повышеніе въ чинъ драгунскаго капита-

на не могло удовлетворить его честолюбивымъ желаніямъ славы; онъ бросилъ службу и отправился съ знаменитымъ мореплавателемъ Бугенвилемъ путешествовать вокругъ Свѣта (съ 1766 до 1769 года).

Морскія бури, опасности между дикими обитателями острововъ, рыканіе львовъ и тигровъ въ глубинѣ песчаныхъ степей находили отголосокъ въ душѣ Нассау, жаждущей приключеній. Въѣстѣ съ своимъ пріятелемъ д'Орезономъ, онъ блуждалъ въ дремучихъ лѣсахъ на островахъ океана, прикидывался влюбленнымъ въ королеву острова Отанти, совершалъ прогулки въ степяхъ Африки, охотясь на львовъ и тигровъ.

Удивительная сила, ловкость и присутствіе духа Карла въ борьбѣ съ дикими звѣрями изумляли всѣхъ его спутниковъ. Разказы послѣднихъ о чудесахъ новаго Геркулеса положили въ Европѣ основаніе извѣстности Нассау. Любопытные искали случая взглянуть на богатыря и говорили: «вотъ тотъ, что убилъ льва въ степяхъ Африки?»

По возвращеніи изъ путешествія, Карлъ снова вступилъ въ службу и назначенъ былъ полковникомъ пѣхоты. Во время войны Франціи съ Англіею (1778), Нассау избралъ для себя роль партизанскихъ дѣйствій и представилъ правительству проэктъ занятія острова Геризея, лежащаго у береговъ Нормандіи.

Проэктъ былъ одобренъ, но не удалось предпріятіе: Нассау былъ отбитъ съ большимъ урономъ (1779). Несмотря на то, онъ получилъ орденъ Св. Людовика.

Изъ Франціи Карлъ Нассау отправился въ Польшу, гдѣ, благодаря африканскимъ лвамъ, ему оказали ласковый пріемъ. Король еще въ 1774 году наградилъ его орденами Св. Станислава и Бѣлаго Орла. Можетъ быть, это самое и заставило Карла лично принести королю свою благодарность.

Молодой полковникъ, красивый собою, заслужившій уже себѣ извѣстность, сдѣлался любимцемъ гостиныхъ лучшаго общества. Новая страна такъ ему понравилась, что онъ рѣшился на осѣдлость въ жизни. Бракъ съ молодою княгинею Каролиною Сангушко (1780), владѣтельницею огромныхъ имѣній, еще болѣе сблизилъ Нассау съ польскими магнатами. Въ его дворцѣ (*) (надъ Вислою), посреди блеска, великолѣпія и роскоши,

(*) Дворецъ, названный Дынасовскимъ, построенъ былъ на берегу Вислы, гдѣ теперь Сѣвериново.

кинула жизнь, полная удовольствій и очарованія. Нассау жилъ въ славѣ и въ значеніи; народъ удивлялся колоссальному его дворцу, его богатству и его чудеснымъ подвигамъ.

Между тѣмъ, вспыхнула новая война на западѣ Европы. Соединенный флотъ Франціи и Испаніи обложилъ Гибралтаръ, защищенный природою и искусствомъ. Вся Европа съ напряженнымъ вниманіемъ обращала тревожные взоры на Гибралтаръ, обороняемый храбрымъ лордомъ Эліотомъ; паденіе крѣпости могло измѣнить политическое значеніе Англіи. Нассау явился къ союзникамъ и получилъ въ командованіе морскую батарею. Впродолженіе трехъ лѣтъ, осада была безуспѣшна: Нассау устроилъ (1782) пловучія батареи (первый опытъ) и презирая явную опасность, смѣло приблизился къ стѣнамъ осажденной крѣпости, но Англичане калеными ядрами сожгли и потопили пловучія батареи. Дерзкое предпріятіе безумной отваги вызвало рукоплесканія удивленной Европы. Король Испаніи Карлъ III наградилъ Карла 3,000,000 реаловъ, назначилъ генералъ-маіоромъ своихъ войскъ, возвелъ въ достоинство графа 1-го класса и призналъ его права на титулъ графа Нассау-Зигенскаго. Въ то же время Карлъ получилъ патентъ на чинъ генералъ-маіора французскихъ войскъ.

Упоенный своею славою, считая свой подвигъ блистательнымъ эпизодомъ въ осадѣ Гибралтара, Нассау полетѣлъ въ Вѣну.... Мечты объ удѣльномъ княжествѣ снова начали ему напѣвать льстивую пѣсню о Зигенѣ и Гадамарѣ. Онъ былъ представленъ министру Каппингу и императору французскимъ посланникомъ маркизомъ Ноалль. Разсчетъ на славу, которую Карлъ Нассау хотѣлъ бросить въ глаза вѣнскимъ министрамъ, какъ укоръ ихъ несправедливымъ дѣйствіямъ, оказался ошибочнымъ, и онъ возвратился въ Варшаву. Здѣсь Нассау вполне отдался своимъ мечтамъ и проѣктамъ, тысячи мыслей роились въ его головѣ, честолюбіе волновало кровь. Приобрѣтеніе гражданства въ Польшѣ, вступленіе въ службу турецкаго султана, переформированіе Янычаръ, новая цивилизація всего государства, силавъ хлѣба по Днѣстру, распространеніе торговли съ Востокомъ, Одессою и Константинополемъ, устроеніе портовъ по берегамъ Чернаго моря, — все это быстро смѣнялось одно другимъ, а воображеніе уже рисовало флаги польскихъ кораблей въ гаваняхъ Турціи, Италіи, Франціи и Испаніи.

Для удобнаго сплава хлѣба, Нассау предложилъ очистить ложе Днѣстра, и даже самъ отправился для обозрѣнія рѣки, — потомъ ѣздилъ въ Константинополь для пріобрѣтенія необходимыхъ связей, осмотрѣлъ берега Чернаго моря, выбирая мѣста, выгодныя для устроенія гаваней, составилъ первую гидрографическую карту Днѣстра, и являсь на сеймъ въ Каменцѣ представилъ свой прое́ктъ дворянству, увѣряя, что новый торговый путь сдѣлаетъ ихъ вторыми Крезами.

На гроденскомъ сеймѣ, стараніями Ржевуцкаго и Сапѣги, Карлъ Нассау былъ признанъ гражданиномъ Польши, вмѣстѣ съ ангальтскими князьями.

Послѣ этого, онъ отправился въ Парижъ, сложилъ съ себя служебныя обязанности (1785), и получа отъ короля право на ежегодную пенсію въ 12,000 франковъ, полетѣлъ въ Мадридъ, гдѣ вступилъ въ испанскую службу.

Слыша о недостаткѣ корабельнаго лѣса, Нассау предложилъ правительству свою готовность, доставлять лѣсъ въ устьѣ Тага и Гвадалquivира, изъ своихъ подольскихъ имѣній. Не теряя времени, онъ сѣѣхъ изъ Мадрита въ Варшаву и забываетъ о своемъ обѣщаніи: Наступающіе сеймы пробудили желаніе быть избраннымъ въ послы отъ Подольскаго воеводства, но это желаніе, подстрекаемое ловчимъ надворнымъ короннымъ Орловскимъ, едва не окончилось печальною комедіею. Партія Чарторижскаго (Адама) разогнала и побила приверженцевъ Карла, да и самъ онъ долженъ былъ скрыться изъ Подоліи.

Въ 1787 году Нассау отправился въ Петербургъ, былъ милостиво принятъ императрицею Екатериною II, провожалъ ее въ Крымъ, ѣздилъ въ Каневъ вмѣстѣ съ княземъ де-Линиъ поздравить короля Понятовскаго съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Греческій прое́ктъ изгнанія Турокъ изъ Европы и послѣдовавшая за тѣмъ война съ Турціею, увлекли Карла Нассау обольстительными надеждами въ будущемъ: онъ вступилъ въ русскую службу и принялъ начальство надъ гребною флотиліею на Днѣпрѣ (*). Капитанъ 2-го ранга Сакенъ, отправленный Карломъ Нассау къ Суворову подъ Кибурнъ, первый принялъ на себя непріятельскіе выстрѣлы и прославилъ свое имя геройскою смертію (20 мая 1788).

(*) Гребная флотилія состояла изъ галеръ, баркасовъ, пловучихъ батарей, лубель-шлюбокъ и 25 транспортныхъ судовъ.

Дѣломъ 7 іюня, на Днѣпровскомъ лиманѣ, начался рядъ отважныхъ подвиговъ принца Нассау. Капуданъ-паша-Гассанъ, съ потерей трехъ судовъ, долженъ былъ отойти къ Очакову. 17 іюня, онъ снова появился на лиманѣ съ сильнымъ флотомъ и съ полною увѣренностію въ побѣдѣ. Но не смотря на превосходство въ силахъ, турецкій флотъ послѣ упорной 4-хъ часовой борьбы съ нашею гребною флотиліею, былъ разбитъ. Изъ числа отличившихся въ сраженіи первенство было отдано принцу Нассау, рѣшительность котораго оцѣнилъ и Суворовъ, что видно изъ его записки къ принцу (отъ 17 іюня). Въ статьѣ «Турецкая война 1787 — 1791» годовъ, Богдановича, очень вѣрно оцѣланъ очеркъ смѣлости, отваги и мужества принца Нассау Зигена. «Онъ и неустрашимые сподвижники его съ нетерпѣніемъ желали принять участіе въ боѣ (когда Гассанъ послѣ сраженія на лиманѣ, преслѣдуемый гребною флотиліею, попалъ подъ огонь батарей, устроенныхъ Суворовымъ на Кивбурнской косѣ). На разсвѣтѣ (18 іюня) принцъ Нассау, не обращая вниманія на огонь крѣпости (Очакова) и турецкихъ кораблей, тамъ стоявшихъ на якорѣ, направилъ свою гребную флотилію двумя колоннами, обогнулъ съ обѣихъ сторонъ непріятельскій флотъ своими судами, въ видѣ полумѣсяца, и атаковалъ огромные корабли галерами и шлюбками. Сопровождавшій принца Поль Джонсъ старался умѣрить его пылкость.

«— Мы идемъ на вѣрную гибель, слыханное ли дѣло атаковать лодками 74-хъ пушечные корабли? Насъ равобьютъ въ щепы!

«— Отвюдь нѣтъ! отвѣчалъ принцъ, — этимъ громадамъ не достаеъ души, а турецкимъ орудіямъ мѣткости. Они стрѣляютъ на воздухъ. Пойдемъ на Турокъ, подѣ огненнымъ сводомъ ихъ выстрѣловъ, и уничтожимъ ихъ».

Принцъ сдержалъ свое слово. Турецкій флотъ понесъ жестокое пораженіе, а 1-го іюля, совершенно уничтожены и остальные суда, искавшія спасенія подѣ пушками Очакова.

Во время осады Очакова княземъ Петенкинымъ, эскадра принца Нассау, блокируя крѣпость съ моря, должна была препятствовать подвозу съѣстныхъ припасовъ для осажденныхъ, и въ то же время бороться съ сильнымъ турецкимъ флотомъ. Успѣшными дѣйствіями своими, принцъ много былъ обязанъ полковнику Прево, который изобрѣтенными имъ метательными

ракетами наносилъ чрезвычайный вредъ неприятелю, приводя въ расстройство его флотъ и сжигая суда его (*).

18-го августа, канонирскія лодки, присланныя принцемъ Нассау, поддержали правое крыло нашей арміи и способствовали отраженію сильной вылазки изъ Очакова.

«Не долго пользовался принцъ благосклонностью фельдмаршала. Стараясь побудить Потемкина къ штурму, онъ имѣлъ неосторожность сказать: «Еслибы мнѣ ввѣрили начальство надъ арміею, то я вскорѣ пробилъ бы такую брешь, что цѣлый полкъ могъ бы чрезъ нее войти въ городъ.» Потемкинъ, недовольный самонадѣянностью принца, спросилъ у него: «а какую брешь пробити вы подъ Гибралтаромъ?» Эта колкость не понравилась пылкому принцу.... Онъ уѣхалъ изъ арміи» (**).

Императрица Екатерина наградила принца чиномъ вице-адмирала и признала его права на титулъ; польскіе поэты прославили въ громкихъ одахъ подвиги своего новаго гражданина на лиманѣ. По порученію императрицы, онъ ѣздилъ въ Вѣну, Парижъ и Мадридъ по дѣлу о городахъ Данцигъ и Торунъ, которые Пруссія хотѣла отнять у Польши.

Въ 1790 г., принцъ участвовалъ въ войнѣ со Шведами, и отличился хладнокровіемъ и мужествомъ при истребленіи неприятельскаго флота подъ Выборгомъ.

Ему поручили часть флота съ десантнымъ войскомъ, для преслѣдованія шведскаго короля, котораго принцъ обѣщалъ захватить въ плѣнъ, а потомъ, высаживъ на берега Швеція, ударить на Стокгольмъ и однимъ ударомъ окончить войну.

Повидимому, все было на сторонѣ принца Нассау: его всегданнее счастье, быстрота дѣйствій, затруднительное положеніе короля, окруженнаго со всѣхъ сторонъ.... Но на этотъ разъ не сбылись надежды. Судьба захотѣла дать урокъ человѣку, который, пренебрегая осторожностію и заранѣе обдуманнѣмъ планомъ дѣйствій, полагаетъ всѣ свои надежды на одно слѣпое счастье и дерзкую отвагу.

Исполненный самонадѣянности, принцъ Нассау не обращалъ вниманія на движенія и намѣренія неприятеля. Густавъ неожиданно ударилъ на русскую эскадру, сбилъ переднюю линію, по-

(*) Изъ письма принца Нассау къ императрицѣ Екатеринѣ II. 1788.

(**) «Турецкая война 1787—1791», г. Богдановича.

топиль до 40 галеръ, и въ нѣсколько минутъ разбилъ неосторожнаго принца Нассау.

Тогда Европа убѣдилась, что побѣдитель африканскихъ львовъ и истребитель медвѣдей въ Налибокахъ (имѣніе кн. Радзивила), могъ быть авантюристомъ, но не вождемъ.

Пораженіе, нанесенное принцу (9 іюля) въ гѣснинѣ Свенскаго зунда, было совершенное и уронило его славу. Онъ упалъ духомъ, возненавидѣлъ военную жизнь и уже болѣе не являлся на политической сценѣ. Укоры сослуживцевъ, насмѣшки завистниковъ, сдѣлались для него невыносимыми, — и хотя императрица Екатерина II, въ отвѣтъ на жалобы, успокоивала принца въ своемъ милостивомъ къ нему вниманіи, но онъ оставилъ Россію и уѣхалъ въ Польшу, гдѣ, впрочемъ, не принималъ никакого участія въ междоусобіяхъ конфедерациі.

Въ 1796 году Венеціанская республика, уstraшенная побѣдами Наполеона, предложила принцу Нассау принять на себя начальство надъ войсками съ диктаторскою властію.... Австрійскій Дворъ воспрепятствовалъ тому.

Огорченный неудачами, несбыточностію надеждъ и нерасположеніемъ къ себѣ императора Павла, принцъ удалился въ свое подольское имѣніе—Тыннѣ (въ 4-хъ миляхъ отъ Каменца), сдѣлался нелюдимомъ, отказался отъ всѣхъ проектовъ и не сбыточныхъ мечтаній о Зигенѣ. Старость пришла къ нему ранѣе, нежели онъ полагалъ, а уединеніе обратило его мысли къ здравому обсужденію вещей.... Роль его была кончена!

Могучій геній Наполеона произвелъ всеобщій переворотъ въ положеніи европейскихъ государствъ. Принцъ Нассау ѣздилъ (1802) въ Парижъ взглянуть на необыкновеннаго человека, послѣ чего не оставялъ уже Тынна и померъ въ 1809 году, 64 лѣтъ.

Онъ былъ большаго роста, имѣлъ красивыя черты лица, говорилъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ; въ обращеніи — чрезвычайно холоденъ, въ разговорахъ — простъ, манеры были самыя обыкновенныя, таланты—небольшіе, съ науками—незнакомъ, неутомимъ, отваженъ до безумія, хладнокровенъ въ опасностяхъ. Простой народъ видѣлъ въ немъ героя-чародѣя, перваго человека своего времени, но въ образованномъ кругу онъ возбуждалъ о себѣ болѣе говора, нежели уваженія. Такъ отзывается объ немъ князь де-Линнъ, въ своихъ запискахъ.

Барташевичъ справедливо замѣчаетъ, что принцъ Нассау былъ дитею своего вѣка, котораго направленіе такъ рѣзко выражается въ его жизни.

Гонимый судьбою отъ самой колыбели, лишенный достоинствъ рода и владѣній, воспитанный подъ вліяніемъ идей XVIII столѣтія, Карлъ Нассау былъ космополитъ въ душѣ. Для него не существовало отечества; онъ переходилъ изъ страны въ страну, вездѣ предлагая свои услуги, вездѣ отыскивая себѣ гражданство; ему было все равно, служить ли кресту или полумѣсяцу!

Принимая на себя званіе гражданина какой нибудь страны, онъ не думалъ связывать себя никакими обязанностями: его гражданство было минутное, и оставлялось вскорѣ для новыхъ проектовъ, для новыхъ битвъ, которыя сманивали его въ другое государство.

Его холодное сердце никогда не волновалось, ни патріотическими чувствами къ родинѣ, ни нѣжными изъ привязанности къ людямъ. Одна только безумная отвага и удалство могло еще приобрѣсть дружбу Карла Нассау.

Цѣль всей его жизни заключалась единственно въ приобрѣтеніи себѣ извѣстности и громкой славы, для которыхъ онъ стремился на встрѣчу всѣмъ опасностямъ, не думая ни о самомъ себѣ, ни о другихъ. Кромѣ того, ему нужны были еще богатства! Не красота и увлеченіе любви сдѣлало Нассау супругомъ дочери Гоздскаго (*), а ея обширныя имѣнія. Семейная жизнь была для него оковами невольничества, отравою души, постоянно мучимой жаждою къ перемѣнамъ и приключеніямъ, къ кочевой перелетной жизни. Вотъ почему вскорѣ послѣ своей свадьбы Нассау бросилъ свою жену и бѣжалъ отыскивать для себя новаго отечества, переходя по очередно во Францію, Испанію и Россію.

Восемнадцатый вѣкъ съ своими грозными политическими переворотами, съ своимъ безвѣріемъ и сомнѣніемъ, съ идеями равенства и свободы, съ алчностью къ извѣстностямъ и богатству, много произвелъ людей, подобныхъ принцу Нассау, которые считали всю Европу своимъ отечествомъ, и отвергая свою родину искали пристанища въ другихъ земляхъ.

(*) Разводка съ Янушемъ Сангушко, маршаломъ литовскимъ.

Принцъ Нассау, умирая, завѣщалъ, чтобы на его могилѣ не было никакого памятника, но даже прѣстаго камня съ подписью; одни цвѣты могли только рости надъ прахомъ чловѣка, который сдѣлалъ уже поздно понять всю суету чловѣческихъ стремленій (*).

Вскорѣ его могила заросла крапивою, время изгладило изъ памяти людей рассказы о его приключеніяхъ и сравняло съ землею вѣдиколюбивый его дворецъ.... Примѣръ для честолюбцевъ!

М. Ф. В.

Конецъ.

6 апрѣля 1859 года.

(*) Онъ имѣлъ еще ордена Св. Андрея, Св. Іануарія и Золотого руна.